

Сельская жизнь: рациональность пассивной адаптации

С самого начала работы ВЦИОМ большинство его исследований диктовалось интересом к прояснению того, каковы ресурсы, направленность и механизмы социальных изменений советской системы, лавинообразно нараставших с горбачевской перестройкой. Уже в первые годы опросов выявилась общая характеристика тех групп, с которыми связан потенциал перемен: здесь, как в фокусе, сходились три взаимосвязанных параметра, определяющих социальную динамику, — это были молодые, образованные горожане, точнее даже — молодые квалифицированные жители мегаполисов. Противоположный полюс представляла социальная периферия: деревня и малые города, настроенные резко консервативно, поддерживавшие коммунистов, всегда во всех опросах предпочитавшие советскую модель организации общества, планово-государственную экономику.

На первый взгляд в этом заключен вызывающий парадокс: деревня, особенно пострадавшая от советской власти, обесиленная, бедная, во всех отношениях бесправная, с неизменным упорством держалась за старые порядки, навязанные институциональные формы, которые и стали причиной ее деградации. Другой парадокс: резкое сокращение государственных дотаций и субсидий аграрному сектору в середине 1990-х годов привело, вопреки апокалиптической риторике коммунистов и их союзников-аграриев, не к окончательному уничтожению сельского хозяйства, а напротив, к его росту. Последние три года подряд в России получают рекордные урожаи зерновых (самые большие за всю ее историю), и уже это, в свою очередь, становится теперь проблемой для разоренного советской властью сельского хозяйства, — на этот раз из-за отсутствия развитого рынка и соответствующей ему технологической, социально-экономической инфраструктуры. Тенденции социальной патологии и дезорганизации (алкоголизм, преступность и пр.) проявляются сегодня на селе гораздо резче, чем в городе, особенно в крупных городах. И, тем не менее, деревня в целом по-прежнему поддерживает старую номенклатуру и ее политические партии — КПРФ и АПР.

В селе проживают 27–28% от общей численности взрослого (старше 16 лет) населения, а вместе с малыми городами (до 100 тыс. жителей), как правило, не слишком отличающимися от деревни по образу жизни, уровню потребления, настроениям, ориентациям, базовым социальным представлениям*, — более 52% россиян. Именно этот социальный массив оказывает решающее воздействие на ход политических изменений в стране, обеспечивая воспроизводство былых отношений, поддерживая политический статус некоторых фракций советской номенклатуры. Однако, несмотря на все это, мы очень мало знаем о том, что происходит в данной социальной среде, поскольку основное внимание социологов направлено на другие группы общества. Цель данной статьи, которая построена на материалах ряда исследований, проведенных ВЦИОМ на селе за последние несколько лет, — рассмотреть характер социальных установок деревенских жителей и тип адаптации сельского общества к происходящему в стране.

Село в сегодняшней России представляет собой наиболее депрессивную социальную среду. На стандартные

* См.: Кузнецова Т. Малые города России: Характеристика населения // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1993. № 7. С. 31–34; Дубин Б. Периферийные города: Установки и оценки населения // Там же. 1995. № 2. С. 17–21.

диагностические вопросы ВЦИОМ о социально-психологическом состоянии респондентов, удовлетворенности своей жизнью, материальном положении семьи, экономическом положении района, о перспективах на будущее и т.п. сельские жители в целом давали всегда самые пессимистические ответы (табл. 1). Соответственно, доля недовольных своей жизнью в столицах составляла 29%, в малых городах — 33, а в деревне — 39%. Причем, в отличие от горожан, настроение которых менялось в зависимости от экономической ситуации вплоть до кризиса 1998 г., самочувствие жителей села оставалось гораздо более стабильным — хронически негативным.

Таблица 1

Что бы Вы могли сказать о своем настроении?
(в % от числа опрошенных в каждом мониторинговом опросе; приводятся только суммы негативных ответов: "испытываю напряжение, раздражение" и "испытываю страх, тоску")

Год, месяц, число опрошенных	Столицы	Крупные города	Малые города	Села
1993, май, N=3920	—	48	46	47
1994, май, N=2975	44	48	56	52
1995, июль, N=2549	46	56	50	53
1996, май, N=2404	40	49	48	45
1997, май, N=2401	42	48	56	55
1998, июль, N=2407	51	47	54	47
1999, июль, N=2407	49	47	56	63
2000, май, N=2407	34	32	36	40
2001, июль, N=2407	39	39	37	41
2002, май, N=2107	31	38	34	41

Оценки своего материального положения как "плохого" или "очень плохого", по данным майского мониторинга 2002 г., в столицах составляли 28%, в больших, средних и малых городах — соответственно 33, 37 и 36%, в селах — 48%. Называли "плохим" или "очень плохим" экономическое положение города или сельского района, в которых они живут, в столицах — 31% респондентов, в больших городах — 41, в средних — 44, в малых — 50, в селе — 63% опрошенных. На селе больше всего и противников реформ — 29–30%, в столицах — 14%. Однако показатель критических оценок ситуации здесь наиболее низок: если в столицах удельный вес респондентов, считающих, что политическая обстановка в стране стала "напряженной" и даже "взрывоопасной", равен 69%, в малых городах — 66%, то в селах — 62%. Заметно больше, чем в городах, на селе и тех, кто считает "маловероятными" акции массового протеста против падения жизненного уровня, роста цен. Если в Москве и Санкт-Петербурге доля опрошенных, заявляющих, что им не хватает денег даже на продукты, составляет 11% (в других городах — 19–20%), то в деревне этот показатель почти втрое выше и достигает 31%. Уровень хронического недовольства на селе самый высокий, протестный потенциал — самый низкий.

Социальный состав сельского населения. Почти половина сельских жителей (43%) живет в центральных усадьбах бывших колхозов и совхозов, столько же — в отдаленных деревнях и селах. Незначительная часть сельских респондентов живет (или работает) в райцентрах (9%) и поселках городского типа (5%). Основная же масса деревенского населения проживает в селах, насчитывающих от 500 до 2000 жителей (46%), еще 28% — в относительно небольших деревнях (до 500 человек). В крупных станицах или селах (от 2 тыс. до 5 тыс. человек) живет около 16% сельского населения. Это означает, что многие современные блага и удобства (медицинское обслуживание, хорошие магазины, полная школа, газо- и водопровод) доступны примерно половине сельского населения. Больницы действуют в 31% сельских населенных пунктов, преимущественно крупных, а фельдшерские пункты — в 52%, школы — в 66, клубы — в 60, промтоварные магазины — в 54, продовольственные — в 74%. Газифицированы 43% сельских населенных пунктов (преимущественно в европейской части России). 54% деревень и сел имеют устойчивое транспортное сообще-ние с райцентром.

Сравнение состава сельского и городского населения свидетельствует о том, что на селе более высокая доля людей старшего и пожилого возраста, пенсионеров, а также значительная избыточность рабочей силы, что отражают данные о структуре занятости (в % от общего числа опрошенных сельских жителей, август 2002 г., N=1600 человек):

Род занятий	%
Пенсионеры	33
Занятые в сфере обслуживания, торговли, образования, здравоохранения и пр.	16
Работают в сельском хозяйстве, в производстве	12
Заняты в других отраслях и сферах хозяйства, на транспорте и пр.	12
Работают на предприятиях АПК	4
Работники местного управления, правоохранительных органов и т.п.	3
Учащиеся	3
Безработные (не могут найти работу)	9
Занимаются хозяйством на своем участке (не работают и не ищут работу)	6
Другое	2

На 12% работников сельскохозяйственного производства в селе приходится 9% безработных (что заметно выше среднего показателя по стране: по опросам ВЦИОМ, в августе 2002 г. он составлял 5,5%) и 6% тех, кто вынужден жить только за счет ЛПХ, своих огородов и живности. Низкий уровень квалификации и оплаты труда занятых в сельском производстве оборачивается низкими доходами, с чем связана низкая удовлетворенность работой и слабая мотивация к интенсивному труду. Соотношение довольных и недовольных своей работой среди сельских работников и занятых в агропромышленном секторе* составляет соответственно менее 1,0 и 1,6.

Условия существования в сельской местности зависят от принадлежности прежде всего к государственным структурам либо к отраслям, непосредственно не связан-

* Работники АПК, с которыми мы сравниваем тех, кто занят в сельскохозяйственном производстве, в основном работают либо на мясоперерабатывающих комбинатах (26%), либо на молоко- и сыродельных заводах (20%). Еще небольшая часть работает на сахарных (8%) или мукомольных заводах (7%), консервных производствах по переработке фруктов, овощей и т.п. (4%), а также рыбных комбинатах (3%), абсолютное большинство которых расположено либо в райцентрах, либо в крупных городах. Примерно пятая часть работников АПК занята на других производствах.

ным с собственно сельским хозяйством. Отсюда такой высокий удельный вес конторских служащих и управленцев, достигающий почти половины всех работников, живущих на селе (собственно рабочие составляют среди занятого сельского населения лишь 50%). Если взять за основу отсчета только тех, кто связан с сельскохозяйственным производством, то и тогда удельный вес аппарата управления бывших колхозов и совхозов, включая "специалистов сельского хозяйства", составит более трети — 34% (едва ли такой объем этой подгруппы вызван особой эффективностью труда здешних управленцев). При этом удельный вес "руководителей" разного ранга на селе вдвое выше, чем по народному хозяйству в целом (9 и 4% соответственно). Такой массив корпорации управленцев и специалистов по отношению ко всей массе работников косвенно свидетельствует о жесткости социальных структур на селе, о том, сколько людей контролируют основные социальные ресурсы в деревне и, значит, заинтересованы в существовании сложившихся форм организации жизни.

С бывшими колхозами и совхозами, т.е. с тем хозяйством, которое осталось после них на принадлежавших им территориях, в материальном плане связано сегодня относительно небольшое число сельских жителей. Так заявили о своих "очень тесных" связях с бывшим колхозом 14% опрошенных, еще 16% опрошенных указали на устойчивую зависимость своего благополучия от хозяйства, на территории которого они живут (это либо сами работники данного хозяйства, либо члены их семей, в этом хозяйстве не работающие, либо же пенсионеры, прежде работавшие в нем). Можно указать также некоторые другие влияющие на селе категории граждан, с которыми руководство бывших колхозов поддерживает тесные отношения как с "нужными людьми", — это работники торговли, правоохранительных органов, административные работники, а также, в несколько меньшей степени, учителя, медицинские работники и т.п. (по сумме оценок "тесно" и "очень тесно" от 16 до 26% представителей названных категорий связаны с бывшими колхозами и совхозами). Прочие же жители села, а это около 70%, практически не зависят от бывшего колхоза и не связаны с ним. По мнению 74% сельчан, руководство этих хозяйств никак не учитывает их интересы в своей деятельности (противоположное мнение, что руководители этих хозяйств стараются учитывать нужды и интересы жителей села, высказали только 18% опрошенных). Иными словами, две группы сельского населения живут как бы совершенно изолированно друг от друга, не будучи взаимно заинтересованы и никак не помогая друг другу. Речь идет, разумеется, не о моральных обязательствах, а о крайней скудости социальных ресурсов, которыми они обе располагают и могли бы обмениваться.

Важнейшее значение для подавляющего большинства опрошенных и сельских жителей, и горожан в нашей выборке имеет подсобное хозяйство: собственный приусадебный участок или ЛПХ имеют все деревенские жители и две трети горожан из малых городов-райцентров, связанных с селом. 71% сельских жителей и 56% горожан (из малого города) или жителей райцентра заявили, что их подсобное хозяйство играет крайне важную роль для поддержания жизни их семей на сколько-нибудь терпимом уровне (табл. 2).

52–53% всех опрошенных производят в собственном хозяйстве продукты только для себя, для своей семьи. Товарное производство, т.е. только на продажу, характерно для ничтожной части всего населения — 2–3% (это главным образом фермеры, составляющие 1,5% сельского населения, и те 2–3% работников АПК, которые имеют возможности использовать ресурсы своего производства).

Таблица 2

Какую роль играет в жизни Вашей семьи подсобное хозяйство?

(в % от общего числа опрошенных в каждой группе; август 2002 г., N=1600 человек)

Вариант ответа	Сельское население	Работники АПК
Основной источник существования обеспечения семьи	28	17
Играет важную роль в благосостоянии семьи	43	39
Не играет существенной роли в обеспечении семьи	12	10
Нет ЛПХ	17	34

Однако в обоих случаях мы имеем дело с контингентом, у которого по преимуществу низкий уровень образования и который в плане социальных самооценок, аспирации, запросов, трудовой мотивации, приобретения собственности, уровня достижений и т.п. представляет периферию общества: они "государственные люди" в том смысле, что по ключевым вопросам своего существования не принимают решений сами, а зависят от сложившихся государственных институций. Поэтому различия между группами здесь, в том числе такими крупными, как жители села/работники агропромышленности, редко когда выходят за пределы допустимых статических колебаний.

Оценки ситуации. Ответы сельских жителей в целом свидетельствуют об отсутствии изменений в их жизни за прошлые годы и о привычной бесперспективности на бу-

Таблица 3

Потребительский статус в зависимости от роли ЛПХ

(в % от общего числа опрошенных в соответствующей группе, 100% по строке, август 2002 г., N=1600 человек)

Роль подсобного хозяйства	Бедные ("Денег не хватает даже на продукты")	Нуждающиеся ("На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения")	Со скромным достатком ("Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования затруднительна")	Обеспеченные ("Можем приобретать вещи длительного пользования, но не действительно дорогие вещи")
Основной источник благосостояния семьи	23	43	31	3
Важно в благосостоянии и обеспечении семьи	16	43	35	6
Не существенно в обеспечении семьи	13	39	39	9
Нет подсобного хозяйства	25	44	26	5

30% сельских жителей и 15% работников АПК продают излишки продукции своего ЛПХ. Среди занятых в сельскохозяйственном производстве фермеры и независимые предприниматели составляют около 4%.

Приусадебное хозяйство играет действительно "подсобную", дополнительную роль в благосостоянии семьи, помогая бедным и нуждающимся держаться "на плаву" и выживать тем, кто находится в особенно тяжелых материальных условиях. Однако оно не играет принципиальной роли для более благополучных категорий населения, занятых в других отраслях экономики. Группа самых нуждающихся либо как-то живет за счет "огорода" (23% этой категории опрошенных), либо, если его нет, "бедствует" (25%). Лишь для 13% этих респондентов ЛПХ не играет значительной роли. Напротив, для 38% людей относительно, хотя и очень скромно, обеспеченных наличие или отсутствие собственного участка не имеет большого значения (а у еще 26% — его просто нет) (табл. 3).

60% взрослых, живущих на селе, — люди старше 40 лет, треть — старше 55 лет. 44% опрошенных имеют образование ниже среднего*. Можно сказать, что даже наличие среднего общего образования "выталкивает" человека из сельского хозяйства, стимулируя его переход в другие сферы занятости. Так, уже в АПК более трех четвертей (77%) получили среднее образование, причем двое из пяти занятых в агропромышленности имеют среднее специальное, а 12% — высшее образование.

* По данным июльского мониторинга 2002 г. (N=2107 человек), 46% жителей села и 30% населения малых городов имеют образование ниже среднего. По данным этого же опроса, высшее образование имеют в среднем 14% россиян (в Москве и Санкт-Петербурге — 27%, в малых городах — 10, а на селе — 6%).

дущее; оценки же работников агропромышленных предприятий — о несколько более тревожном, неуверенном или пессимистическом настроении, характерном в целом для жителей небольших городов. Речь в последнем случае идет не о реальном ухудшении положения дел в среднем для всех работников, а лишь о несколько большей неопределенности их ситуации. Поэтому ответы занятых в АПК, если и отличаются от сельского населения в среднем, то лишь несколько большей дифференцированностью, большим разбросом мнений, а не самим набором оценок и не их соотношением. Нюансы возникают в деталях

Таблица 4

Как изменилась ситуация за последние два года... (в % от числа опрошенных в каждой социально-демографической группе, август 2002 г., N=1600 человек)

Группа	Улучшилась	Не изменилась	Ухудшилась	В чем-то улучшилась, в чем-то ухудшилась	Затруднились ответить
<i>В агропромышленном секторе, в стране в целом</i>					
Село	24	36	24	4	12
АПК	23	43	24	3	7
<i>В районе</i>					
Село	19	41	30	2	8
АПК	19	43	32	3	3
<i>Для Вас лично</i>					
Село	17	51	26	3	3
АПК	19	50	27	3	1

**Оценки изменений положения дел в агропромышленном секторе
в зависимости от уровня образования респондентов***

(в % от общего числа опрошенных в каждой образовательной группе; август 2002 г., N=1600 человек)

Положение в агропромышленном секторе	Высшее образование			Образование ниже среднего		
	Улучшилось	Ухудшилось	Соотношение положительных и отрицательных перемен	Улучшилось	Ухудшилось	Соотношение положительных и отрицательных перемен
В стране в целом	34	23	1,5	21	26	0,8
В районе	22	38	0,6	18	30	0,6
В семье респондента	22	27	0,8	14	27	0,5

* Приводятся данные только по полярным образовательным группам без затруднившихся с ответом.

Таблица 6

Оценки изменений ситуации в районе у разных групп работников

(в % от числа опрошенных в соответствующей социальной группе; август 2002 г., N=1600 человек, без затруднившихся с ответом)

Группа	Позитивные изменения	Ничего не изменилось	Негативные изменения	Соотношение позитивных и негативных оценок
Оценки ситуация в районе в среднем	19	41	30	0,6
Занятые в сельскохозяйственном производстве*	26	40	28	0,9
Занятые в агропромышленном производстве	23	44	29	0,8
Руководители, работники управления	31	38	38	0,8
Специалисты с высшим образованием	24	42	29	0,8
Специалисты со средним образованием	21	41	31	0,7
Служащие	29	38	23	1,3
Квалифицированные рабочие	19	42	30	0,6
Неквалифицированные рабочие	22	46	27	0,8
Фермеры. Независимые предприниматели**	26	65	4	6,6

* Характер распределения мнений у этой группы ближе всего стоит к "нормальному" статистическому распределению.

** Оценки ситуации в районе и в своих семьях фермерами и предпринимателями резко отличаются от основной группы населения: они гораздо оптимистичнее, особенно в отношении собственного материального благополучия (об улучшении положения дел здесь заявили 45% опрошенных, об ухудшении — 4%). Но к этим данным следует относиться с некоторой осторожностью, принимая во внимания малую численность респондентов в этой группе (1% опрошенных) и вследствие этого высокую вероятность допустимой статистической ошибки.

оценок собственной ситуации или перспектив на будущее (табл. 4).

Более детальный анализ реакций населения на соответствующие диагностические вопросы в принципе подтверждает общий вывод о слабой дифференцированности общественного мнения сельского населения, его известной неподвижности и консерватизме. Наиболее молодые и образованные респонденты оценивают ситуацию в сельском хозяйстве и агропромышленном производстве, ее изменения несколько более позитивно, чем другие группы, хотя различия между ними и не слишком значительны. Респонденты с высшим образованием выше оценивают общие перемены в отношении к проблемам сельского хозяйства и АПК в стране, давая тем самым как бы кредит новой аграрной политике руководства страны, тогда как малообразованные респонденты при оценках имеют в виду лишь фактическое положение дел, и их суждения скорее негативные или скептические. Изменения же в районе и в собственной семье все респонденты расценивают скорее как негативные, причем к таким оценкам чаще склоняются малообразованные и малоодоходные группы опрошенных (табл. 5).

Таким образом, образованные респонденты (сельская или бывшая колхозно-совхозная администрация) оценивают перемены в стране более позитивно, чем другие группы, но ситуацию непосредственно в своем районе — как ухудшающуюся. Высказывания же других групп практически не отличаются друг от друга и скорее пес-

симистичны. Иными словами, в сравнении с жителями крупных и крупнейших городов изменения в образе жизни сельского населения или населения малых городов за последние годы были значительно меньшими и, по их оценке, преимущественно негативными. Но дело не только в этом очевидном факте.

Даже при фактических изменениях реакция на них в сельской среде, включая подгруппы более образованных и более информированных респондентов, крайне замедленная. Структура ответов на вопрос об изменениях в агропромышленном секторе "в стране в целом", в "районе", "для Вас лично", которые измеряют степень реальных подвижек в образах жизни людей, а не только изменения на неконтролируемом и непроверяемом непосредственно личным опытом, декларативном общероссийском уровне, свидетельствует о принципиальном тождестве мнений опрошенных из самых разных групп. О некоторых отличиях, характерных для сельской "элиты", можно говорить только применительно к оценкам "руководителей" и "специалистов": только их мнения отличаются большей определенностью, дифференциацией, даже поляризацией (они равным образом дают больше и позитивных, и негативных оценок), но сам их баланс кардинально не меняется. Их большая компетентность и более разнообразные суждения не означают, что они как-то отличаются по своим установкам или принципиальным ориентирам от основной массы населения.

Самые острые проблемы жителей района*
(в % от общего числа опрошенных в каждой группе; август 2002 г., N=1600 человек)

Проблема	Сельское население в целом	Работники агропромышленного сектора
Низкий уровень зарплаты, пенсий	68	77
Безработица, отсутствие рабочих мест	53	53
Упадок сельского хозяйства, предприятий АПК	47	55
Рост цен на продукты и товары первой необходимости, услуги ЖКХ	44	54
Пьянство, алкоголизм	44	37
Несвоевременные выплаты зарплаты, задержки выплаты пенсий	16	37
Плохие дороги, неблагоустроенность населенных пунктов	23	32
Отсутствие полноценного медицинского обслуживания	23	24
Отсутствие культурной жизни, негде провести свободное время	19	22
Плохое снабжение электроэнергией, водой, теплом и пр., состояние ЖКХ	19	31
Жилищная проблема	16	32
Наркомания. Торговля наркотиками	14	23
Рост преступности	15	21
Плохие экологические условия, состояние окружающей среды	12	20

* Приводятся только те проблемы, в отношении остроты которых существует устойчивое согласие респондентов, т.е. названные более 10% опрошенных.

В общем и целом психологический климат на селе, оценки ситуации сельскими жителями стабильны и отражают скорее застойное положение дел, и чем дальше от райцентра, тем меньше ощущаются какие-либо изменения или надежды на перемены (табл. 6). Оптимистически и с уверенностью смотрят в будущее 7% опрошенных, надеются на перемены к лучшему в ближайшее время (и те и другие представлены главным образом молодежью и людьми до 45 лет) 28%, воспринимают происходящее довольно спокойно, но без излишнего оптимизма и каких-либо ожиданий еще 15%. Напротив, примерно 40% опрошенных испытывают тревогу, страх перед *настоящим* и не ждут для себя ничего хорошего. Характерно, что так настроенных респондентов несколько больше среди работников АПК, где ситуация гораздо менее стабильная и менее предсказуемая (среди сельских жителей — 39% и среди занятых в АПК — 46%). Напротив, пессимистических оценок относительно *будущего* развития хозяйства в ближайшие годы гораздо больше среди сельских жителей, нежели среди работников АПК: у сельчан, считающих, что положение здесь скорее безнадежное, — 33%, у работников АПК — 24%.

Представления и мнения относительно различных проблем жизни сельского населения и положения дел в аграрном секторе не зависят от того, каков аграрный профиль сельскохозяйственного производства или характер продукции агропромышленного производства (соответственно, они не связаны непосредственно с рентабельностью или отсутствием доходов в той или иной отрасли сельского хозяйства). Такой "консенсус" возникает благодаря общей системе организации жизни в селе, общим условиям и стандартам существования и не связан с конкретными успехами или неудачами того или иного хозяйства. Примечательно в этом плане, что самые оптимистические взгляды на положение дел в аграрном секторе высказывают не те, кто непосредственно связан с сельскохозяйственным производством, а работники торговли и сферы услуг (соотношение положительных и отрицательных мнений здесь составляет 26: 20 при 46% тех, кто полагает ситуацию не изменившейся), тогда как самые пессимистические оценки дают милиция и сотрудники правоохранительных органов (17:36 и 36% считающих, что изменений нет). Здесь можно говорить о проекциях групповых

оценок — о явном переносе собственного социального положения на ситуацию в сельском хозяйстве.

Главные проблемы. Основные проблемы сельских жителей и той части населения малых городов, которая связана с агропромышленным производством, определяются кризисом или упадком сельскохозяйственного производства, отсутствием развития и, соответственно, снижением уровня жизни в сельских районах. Речь не идет об ухудшении дел в этой сфере за постсоветский период, напротив, в последние несколько лет отмечается некоторое улучшение общей ситуации. Речь идет о длительном периоде общей социальной деградации села и бесперспективности жизни для наиболее активных и деятельных групп, не могущих существовать за счет доходов от своего труда и не имеющих надежд на лучшее в ближайшем будущем.

Как видим, работники агропромышленного сектора более критичны, они реже удовлетворены своей жизнью, чем жители села. Кроме угрозы безработицы и состояния социальной сферы, прежде целиком находившейся под опекой государства, — бесплатной медицины, образования, устройства детей в детсады (этими проблемами в одинаковой мере задеты опрошенные обеих групп), а также кроме повального и хронического пьянства, тяжесть которого на селе ощущается острее, чем в городах, фактически все перечисленные в таблице 7 социальные и культурные проблемы в большей мере беспокоят респондентов, представляющих агропромышленный комплекс. Это объясняется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, сравнительно более высокими запросами занятых в АПК, что вызвано их более высоким в целом уровнем образования и квалификации, несколько более высокими доходами, их относительной молодостью и большей требовательностью к качеству жизни, более высокими стандартами потребления и ожиданиями в этой сфере. Сельское население более бедное, пожилое, менее образованное, с более ограниченным кругозором, меньшими возможностями, но и, соответственно, меньшими запросами. Оно, можно сказать, притерпелось к своему положению, каким бы незавидным то ни было.

Во-вторых, различия связаны с тем, что основная часть занятых в агропроме живет в малых городах и поселках

городского типа (ПГТ), где качество *городской* жизни невысоко. Именно здесь появляются многие проблемы, которые отсутствуют в деревне: на селе в большинстве случаев просто нет соответствующих услуг, коммунальных служб, а значит, нет и претензий к их плохой работе. В малых городах и особенно в ПГТ, расположенных сравнительно недалеко от крупных центров, которые оттягивают на себя социальные и финансовые ресурсы, куда перетекает более активное население, резко обостряются все хронические социальные проблемы советского общества — обеспеченность жильем, безработица, рост цен, задержки с выплатой зарплаты, неразвитость социальной инфраструктуры (дороги, общественный транспорт, низкое качество ЖКХ и др.).

Список проблем, основных причин или факторов беспокойства и неудовлетворенности опрошенных можно разделить на три группы.

Первая группа самых острых и больших вопросов включает чисто экономические проблемы — низкий уровень производительности и оплаты труда, спад производства, соответственно, крайне низкие доходы работников, нестабильность занятости, безработицу, разрыв между ценами на продукты первой необходимости и уровнем доходов большей части населения. Эти проблемы указывали подавляющее большинство (от половины до двух третей) опрошенных.

Вторая группа проблем распадается на два типа:

1) связанные с общими условиями жизни, развитием социальной инфраструктуры, социальным и культурным обеспечением и обслуживанием населения. На эти обстоятельства указывали от 20 до 30% всех опрошенных. Это главным образом *задержки выплаты зарплат и пенсий* неработающим по старости, *жилищные проблемы* (невозможность получить жилье, этот момент особенно часто, в 1,6 раза чаще, чем в среднем, отмечали молодые респонденты), включая и недовольство *работой органов ЖКХ*, и отсутствие либо вообще какого-нибудь *медицинского обслуживания* (проблема особенно серьезная для пожилых людей), либо соответствующего ожидаемому качеству или уровню, а также вечная проблема России — плохие дороги, отсутствие коммуникаций с районным или областным центром, на которые указывал каждый четвертый из опрошенных в целом (каждый третий работник АПК);

2) связанные с социальной патологией и деградацией села как типа поселения, как формы жизненного уклада. Здесь на первое место выходят такие проблемы, как пьянство и алкоголизм (особенно в отдаленных селах Урала, Севера и в несколько меньшей степени Дальнего Востока). Больше всего эти явления беспокоят женщин, особенно старшего возраста, — матерей, жен. Необходимо также сказать о проблеме наркомании и торговли наркотиками (в городах и райцентрах они упоминаются среди острых проблем в 2–4 раза чаще, чем в селах, в региональном плане здесь резко выделяются Сибирь, Дальний Восток, южные районы), о преступности (главным образом для населения городов и райцентров);

Третья группа составляют проблемы, которые отметили отдельные категории населения. Среди них те, которые касаются либо матерей с детьми школьного возраста, либо самой молодежи, либо жителей определенного региона. Перечислим их специально, поскольку они, представляя крайне острые проблемы для той или иной группы, в общем массиве опрошенных уходят на третий план.

Прежде всего это блок вопросов, связанных с воспитанием молодежи, подрастающим поколением, досугом более молодых и активных групп (на них указали 15% всех опрошенных), а также невозможность получить профессиональное образование, пройти курсы переобучения

или повышения квалификации (молодежь — 21%, т.е. вдвое чаще, чем в среднем), отсутствие возможности дать детям полноценное школьное образование (8%), неустраиваемость младших детей, особенно дошкольников, поскольку нет необходимых детских учреждений — садов, яслей (в среднем — 7%, среди молодых женщин — 10%).

Другой круг вопросов — плохая работа общественного транспорта (13%), отсутствие регулярной и надежной связи с центральной усадьбой или с райцентром, городом, что резко осложняет все прочие социальные аспекты жизни (от поездок к месту учебы или работы до получения медицинского обслуживания). Хотя на работу общественного транспорта жалуются все категории опрошенных, наиболее остро этот вопрос стоит именно в городах и райцентрах, их пригородах, с одной стороны, и в самых дальних селах — с другой. Кроме того, здесь очень значимы региональные различия: хуже всего дело обстоит в районах Сибири и Дальнего Востока, где этот пункт в списке проблем указывают в 1,5 раза чаще, чем в среднем по выборке.

Относительно незначительное место в высказываниях опрошенных занимают острота таких проблем, как произвол милиции или плохая работа местных властей (на них указали лишь 4%), межнациональные отношения или проблема мигрантов из других регионов России и ближнего зарубежья (2%). Это не значит, что в целом население довольно милицией и местной администрацией (из других исследований выявляется крайняя степень недовольства исполнительной властью, органами администрации и правопорядка, недоверие к властям разного рода, за исключением областного уровня), а означает лишь рутинную притерпелость к той власти, которая есть.

Социальное пространство как дистанция и барьер. Понятно, что чем крупнее населенный пункт, тем выше уровень развития социальной структуры и обеспеченность всеми благами городской цивилизации — образовательными и медицинскими учреждениями, торговыми предприятиями, тем вероятнее возможность найти работу. Таков советский, централизованный, территориально-иерархический тип урбанизации, именно с его последствиями мы здесь имеем дело. Расстояние до райцентра или города является в отечественных условиях показателем важнейшей социальной дистанции между сосредоточением социальных благ и возможностей в райцентре и бедной во всех смыслах периферией. Подавляющая часть сельского населения — почти две трети (61%) — живет на расстоянии свыше 50 км от крупных городов, 32% — на расстоянии свыше 20 км от райцентра, и это, учитывая качество дорог, степень развития общественного транспорта, незначительное число автомобилей в личном владении, является сегодня основным препятствием для экономического и социального развития сельских районов России.

Расстояние до центра — сегодня важнейший социальный показатель благополучия или неблагополучия (табл. 8). Это не географическая дистанция, а показатель интенсивности социально-экономических изменений — формирования новых условий хозяйствования и разрушения старых советских форм, сложный системный индикатор, стягивающий к себе и опосредованно выражающий большинство социально-демографических и социокультурных особенностей и различий. Так, доля тех, кто считает "благоприятными" перспективы развития сельскохозяйственного производства в своем районе, выше всего непосредственно в райцентре (27%), либо в самых отдаленных селах (24%); в сравнительно же близких от города селах эти оценки заметно снижаются до 19–21%. И напротив, доля тех, кто расценивает возможности подобного развития как "нулевые", растет по мере удаления от городов и райцентров — с 23 до 35%.

Распределение бедности и безработицы в зависимости от расстояния до центра и размера населенного пункта
(в % от общего числа опрошенных соответствующей группы; август 2002 г., N=1600 человек)

Тип населенного пункта	Бедные ("Денег не хватает даже на продукты")	Нуждающиеся ("Денег хватает только на продукты")	Безработные в зависимости от места жительства
Всего в выборке, % опрошенных	20	42	7
Райцентр	17	23	10
ПГТ	16	13	3
Село — центральная усадьба	33	31	52
Периферийное село	34	33	35
<i>Расстояние до райцентра</i>			
Райцентр	21	25	12
до 10 км	23	21	18
до 20 км	29	28	34
более 20 км	28	26	36
<i>Расстояние до крупного города</i>			
Крупный город	3	3	2
до 10 км	1	2	6
до 50 км	37	36	42
более 50 км	59	59	50
<i>Размер населенного пункта</i>			
до 500 человек	22	23	21
500-2000 человек	36	33	47
2000-5000 человек	12	12	22
более 5000 человек	30	32	10

Распределение ответов респондентов на вопрос: "Как изменилась за последние годы ситуация, положение дел лично для Вас и Вашей семьи?" в зависимости от расстояния до центра
(в % от общего числа опрошенных, приводится только сумма позитивных и сумма негативных ответов, август 2002 г., N=1600 человек)

Расстояние до центра	Улучшилось	Не изменилось	Ухудшилось	Затрудились с ответом или не ответили
Райцентр/крупный город	19	50	27	4
До 10 км	23	46	24	7
11–20 км	16	54	22	8
Более 20 км	14	52	32	2
В среднем	18	51	26	5

Как видим, улучшение положения дел наиболее ощущимо в ближайшей к городу пригородной зоне, особенно же ухудшилась ситуация, по оценкам респондентов, в отдаленных деревнях (табл. 9). Положение в райцентрах, если судить не по одному вопросу, а по ряду показателей, стало более дифференцированным и сложным. Тем самым становится очевидно, что за последние два-три года ситуация стала для ряда групп заметно лучше, но одновременно хуже для тех, кто по мере распада советской системы обеспечения оказался без медицинского обслуживания, без перспектив на повышение квалификации или переобучения и т.п.

Почему стало хуже? Причины того, почему сельское хозяйство в районе недостаточно рентабельно и выгодно, сводятся для наших респондентов главным образом к резко сократившейся или недостаточной государственной поддержке сельскохозяйственного производства (табл. 10).

Сами по себе эти данные свидетельствуют об аномальности экономической ситуации, бесперспективности прежней колхозно-совхозной системы, ее неспособности не только к развитию, но даже к простому воспроизвод-

ству. Ответы опрошенных свидетельствуют о медленной, но неуклонной деградации сельского хозяйства, об отсутствии стимулов к работе как у рядовых работников, так и у руководства, оттоке молодежи, нарастающей социальной дезорганизации, почти критическом положении вещей, если учитывать его последствия — пьянство, преступность и прочие девиантные формы поведения. К другим причинам ухудшения дел на селе можно отнести массовый отъезд молодежи (указали 17% опрошенных) и сокращение госзакупок (14%).

При этом абсолютное большинство опрошенных независимо от сектора или отрасли занятости уверены, что сельскохозяйственное производство в их районе может быть рентабельным и эффективным. Такого мнения придерживаются 74% опрошенных работников сельского хозяйства, среди работников АПК — даже 80% (эта уверенность характерна для 79% безработных и 82% учащихся). Возникает вопрос: что, кроме сложившейся социально-экономической системы, этому мешает?

Если исходить из предположения, что перспективность тех или иных профессий и занятий определяется их престижностью в глазах взрослых членов сообщества, тем, в

Таблица 10

Мнения опрошенных о причинах нерентабельности сельскохозяйственного производства в районе*
(в % от числа опрошенных в каждой группе, в порядке убывания, август 2002 г., N=1600 человек)

Основные версии объяснения нерентабельности сельского хозяйства в регионе	Сельское население	Работники АПК
Нехватка средств на развитие сельского хозяйства (закупку техники, семян, удобрений, кормов и т.п.)	46	57
Отсутствие или сокращение государственной помощи сельскому хозяйству (отсутствие кредитов, субсидий, дотаций и т.п.)	35	46
Мелкое воровство, привычка людей тащить все из хозяйства для своих нужд	23	26
Массовое пьянство	25	21
Расхищение кредитов и материальной базы сельских хозяйств их руководителями	23	26
Лень, нежелание работать	25	18
Засилье перекупщиков, низкие цены посредников	19	26
Некомпетентность руководства сельских хозяйств, неспособность их ориентироваться в новых экономических условиях	19	24

* Приводятся только те причины, которые названы не менее одной пятой опрошенных.

какой степени они хотели бы, чтобы их дети выбрали эти сферы занятий, то можно сказать, что сельскохозяйственные профессии или занятия, связанные с агропромышленным производством, сегодня представляются подавляющему большинству опрошенных скорее нежелательными и непривлекательными. Значимыми они остаются менее чем для трети опрошенных, причем здесь явно выделяются те, у кого ограничены ресурсы (образовательные, возрастные, квалификационные) и кто поэтому не обладает значительной свободой выбора — неквалифицированные рабочие, зоо- и агротехники со средним образованием. Даже фермеры и предприниматели, казалось бы, связанные с сельским хозяйством, вложившие значительный собственный капитал в землю, оборудование, и те довольно определенно высказываются против выбора их детьми профессий, связанных с сельским хозяйством или промышленной переработкой его продуктов. Трудно найти другой индикатор, который так ясно ука-

Таблица 11

Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети или внуки работали в сельском хозяйстве или на предприятиях агропромышленного комплекса?
(в % от общего числа опрошенных в каждой группе, август 2002 г., N=1600 человек)

Группа	Да	Нет	Затруднились ответить
Руководитель, управленческий работник	21	71	8
Специалист с высшим образованием	16	72	12
Техник со специальным средним образованием	32	52	16
Служащий	26	54	20
Квалифицированный рабочий	26	63	11
Неквалифицированный рабочий	32	56	12
Фермер, предприниматель	16	62	22
В среднем по всему массиву опрошенных	31	55	14

зывал бы на негативное отношение живущих на селе или связанных с селом к сельскому труду и к агропромышленному комплексу, устойчивое представление о безнадежности и бесперспективности этой сферы в настоящем, чувство невозможности изменить здесь что-либо к лучшему (табл. 11).

Бесперспективность ситуации связана, по мнению респондентов, в первую очередь с отказом государства от той помощи сельскому хозяйству и АПК, которая осуществлялась с середины 1960-х годов и без которой они сегодня не могут уже не только развиваться, но и просто существовать. Лишь две категории опрошенных — руководители и часть фермеров — готовы несколько позитивнее других оценивать нынешнюю роль государства в аграрном секторе. В среднем же по массиву доля удовлетворительных и положительных ответов на этот вопрос не превышает одной десятой от всех респондентов (11%, табл. 12).

Мнения о том, какие меры могут помочь сельскому хозяйству и агропромышленному комплексу обеспечить подъем аграрного производства абсолютно едины во всех группах работников и населения. Это государственные субсидии и дотации, налоговые льготы, патерналистская политика государства по отношению к отечественному производителю и устранение конкуренции со стороны

Таблица 12

Оценки нынешней политики государства в агропромышленном секторе
(в % от общего числа опрошенных в каждой группе, август 2002 г., N=1600 человек)

Группа	Положительные*	Противоречивые ("отчасти положительно, отчасти отрицательно")	Отрицательные**	Ничего не знают об этом, затруднились ответить
Руководитель, управленческий работник	19	35	40	6
Специалист с высшим образованием	13	33	43	11
Техник со специальным средним образованием	11	33	38	18
Служащий	15	39	30	16
Квалифицированный рабочий	14	31	34	21
Неквалифицированный рабочий	10	31	33	26
Фермер, предприниматель	18	36	34	12
В среднем по всему массиву опрошенных	11	29	35	25

* Сумма высказываний "очень положительно" и "скорее положительно".

** Сумма высказываний "резко отрицательно" и "скорее отрицательно".

Как Вы относитесь к возможности введения свободной купли-продажи сельскохозяйственных земель?
(в % от общего числа опрошенных в каждой социально-демографической группе, январь 2001 г., N=1600 человек)

Социально-демографическая группа	Положительно	Отрицательно	Затруднились ответить
В целом	29	58	13
<i>Пол:</i>			
мужской	33	56	11
женский	26	60	14
<i>Возраст:</i>			
18-24 года	41	38	21
25-39 лет	40	51	9
40-54 года	28	60	12
55 лет и старше	17	70	13
<i>Образование:</i>			
ниже среднего	20	66	14
среднее	37	51	12
высшее	38	58	4
<i>Наличие в семье детей до 16 лет</i>			
нет	26	61	13
один	34	53	13
два	36	55	9
три и более	26	64	10
<i>Регионы</i>			
Север и Северо-Запад	32	59	9
Центр	34	58	8
Волго-Вятский	22	55	23
Центрально-Черноземный	28	52	20
Поволжье	38	50	12
Северный Кавказ	16	72	12
Урал	32	63	5
Западная Сибирь	36	45	19
Восточная Сибирь	39	40	22
Дальний Восток	28	72	0
<i>Расстояние до горсда</i>			
до 10 км	34	48	18
11-50 км	32	55	13
более 50 км	26	63	11

иностранных производителей, повышение зарплаты в сфере сельского хозяйства и пенсий сельскому населению*. Короче говоря, речь идет о чисто пассивном, зависимом отношении слабых к государству-донору. Частные предприниматели, фермеры в этом плане мало чем отличаются от прежней административной верхушки советского времени, если не считать того, что они (как и нынешние директора агропромышленных предприятий) гораздо более настойчиво требуют все того же — "выделения в бюджете дополнительных денежных средств на поддержание сельского хозяйства и агропромышленного комплекса" (70 и 61% при 55% в среднем), налоговых льгот и оградительных таможенных пошлин для иностранной продукции (54 и 54% при средних 34%), предоставления государственных кредитов фермерам и малым агропромышленным предприятиям (45% при средних 28%, характерно, что руководители бывших колхозов настаивают на этих мерах реже, чем все опрошенные в среднем). Директора, администрация и специалисты, рабочие нынешних сельских предприятий и аграрных комбинатов, напротив, настаивают на повышении уровня зарплат и пенсий работникам агросектора (43-45% при средних 38%) и т.п.

Проблема частной собственности на землю и эффективности разных типов хозяйств. Отношение к частной собственности на землю у работников сельскохозяйственного и агропромышленного сектора весьма противоречивое (опросы по этой теме проходили до принятия Государственной Думой соответствующих законов). В среднем соотношение сторонников частной собственности и противников этого составляло 49 к 42%. Колебания в ответах разных групп не очень значительны. Более определенно и активно за введение частной собственности высказываются фермеры и служащие, рабочие. Более осторожны и скорее негативно настроены директора, руководство аграрных предприятий (здесь соотношение мнений "за" и "против" выглядит так: 41 против 55%), специалисты бывших колхозов (у специалистов с высшим образованием эта картина такова: 46% — "за" и 50% — "против").

Разумеется, эта проблема не только экономическая, но и идеологическая. Принцип частной собственности не согласуется с представлениями, привычными для более старших групп, выросших, живших и работавших в условиях советского колхозного строя, для руководства вчерашних и нынешних сельских хозяйств, для связанных с этим руководством, зависящих от него специалистов. Но вместе с тем отношение к данной проблеме определяется тем, могут ли респонденты получить реальную выгоду от частной собственности. Понятно, что наиболее пожилые и наименее квалифицированные среди опрошенных, люди пенсионного возраста, не надеются на подобную выгоду (не верят, что успеют что-то получить; не уверены в своих силах, в том, что справятся с ситуацией и пр.). По этим причинам респонденты более старших и менее образованных групп чаще относятся к введению частной собственности на землю отрицательно (табл. 13). Особенно значимы в данном вопросе расхождения именно по возрасту: целиком отрицательных оценок придерживаются 10% самых молодых респондентов (до 24 лет) и 31% опрошенных в возрасте старше 55 лет.

Самые молодые респонденты в несколько большей степени, чем опрошенные других возрастных групп, ориентированы не только на частную собственность, но и на

* По словам Н.Шмелева, директора Института Европы РАН, государственные дотации сельскому хозяйству, даже в нынешнем урезанном виде, составляют сегодня более 1 млрд долл. США в год. Об этом говорили на 12-м экономическом форуме в Кренице (Известия. 2002. 10 сент. С. 4).

развитие бизнеса. Они как будто бы меньше опасаются открытой конкуренции (правда, у них и социальный опыт, в том числе опыт реальной конкурентной борьбы, весьма невелик). Поэтому молодые респонденты (до 40 лет) считают фермерские хозяйства более перспективными в смысле производительности, тогда как пожилые опрошенные видят перспективу в акционерных обществах на базе бывших колхозов и совхозов, можно сказать, в более привычных для себя формах под новыми вывесками. Подчеркнем, что самые молодые респонденты (до 24 лет), равно как и наиболее образованные среди опрошенных, ждут от государства все-таки не столько дополнительных бюджетных вложений в сельское хозяйство и агропром, сколько облегчения налогового бремени. Иными словами,

Какой вид сельских хозяйств является наиболее продуктивным и производительным в России в настоящее время?
(в % от общего числа опрошенных в каждой категории респондентов,
100% по строке, август 2002 г., N=1600 человек)

Группа	Акционерные общества на базе бывших колхозов и совхозов	Фермерские хозяйства	Крупные хозяйственные предприятия с привлечением частных инвестиции	ЛПХ	Сельскохозяйственные кооперативы	Подсобные хозяйства промышленных предприятий	Затруднились ответить
В среднем	25	23	15	12	10	4	12
Фермеры, предприниматели	16	52	28	—	—	—	4
Руководители, сотрудники аппарата управления	31	14	25	9	14	5	3
Специалисты с высшим образованием	33	23	22	6	7	1	8
Специалисты без высшего образования	24	24	14	6	15	2	8
Служащие	22	30	20	6	7	2	13
Квалифицированные рабочие	21	27	14	9	14	3	10
Неквалифицированные рабочие	30	16	13	16	8	5	12

они несколько реже других ожидают помощи со стороны, а скорее просят не мешать им самим.

В целом жители села склоняются сегодня к сохранению в несколько видоизмененной форме прежних коллективных или совхозных предприятий и объединений. Вместе с тем ситуация не совсем уж однозначна. Отметим высокую оценку эффективности фермерских хозяйств у тех, кто не принадлежит к верхушке агропрома и колхозной бюрократии: служащие, квалифицированные рабочие, не говоря о самих фермерах, которые оценивают эту форму хозяйствования выше всех других типов организации сельскохозяйственного производства (табл. 14).

Более того, значительная часть сельских жителей отлично знает, что процесс продажи земли уже давно идет (об этом заявил 31%). Причем он оживленнее всего протекает там, где существует дефицит обрабатываемой земли, где почвы лучше, а населения больше и местность обустроена — на Северном Кавказе (52%), в пригородных районах Северо-Запада (39%), в Центральном регионе, Восточной Сибири и в Поволжье (по 33%).

Так что в приводимых оценках и реального положения дел, и ожидаемых перемен, и представлений о том, как, скорее всего, реально получится, нужно все время разграничивать несколько планов. Например, проблема собственности на землю в сознании сельских жителей существует на нескольких смысловых уровнях. С одной стороны, это те представления, которые сложились по инерции советского времени: земля принадлежит государству (так считает 41% опрошенных) и сельским хозяйствам, бывшим колхозам (51%), а с другой — но уже в гораздо меньшей степени, людям, которые на ней живут и работают (28%). Таков один уровень понимания, в значительной степени остаточный или декларативный.

В реальности же картина выглядит иначе: распоряжается землей и продает ее сегодня прежде всего бывшая колхозная "олигархия" — администрация колхозов, сельских хозяйств — своим личным решением и в личных интересах Преобладающая часть тех, кто говорит, что у них в округе земли продаются (51%), заявляют, что этим занимается "администрация, правление сельских хозяйств". Еще 28% указали на то, что землю продают сельские хозяйства по решению общих собраний акционеров. И лишь небольшая часть (21%) сказали, что это делается "правительством России".

Продажа земли объясняется опрошенными тем, что, во-первых, в большинстве случаев в местах, где они живут, есть свободные, заброшенные и необрабатываемые земли, а во-вторых, прямой заинтересованностью в этом прежде всего администрации бывших колхозов и совхозов, продающих их желающим (отчасти, впрочем, это же делают и сами члены сельскохозяйственных предприятий и объединений).

Сама подобная практика особого осуждения или сопротивления опрошенных не вызывает, поскольку их зависимость от "своих" достаточно сильна. Правда, чаще об этом говорят жители, не занятые непосредственно в сельскохозяйственном производстве, работающие в других отраслях производства или в торговле (32%), в системах управления, здравоохранения и т.п. (40%) или даже нигде не работающие, занятые на своем приусадебном участке (33%). Работники собственно сельских хозяйств упоминают это несколько реже (28%). Такое расхождение может означать: 1) явное нежелание бывших колхозников говорить об этом, выдавать своих или склонность преуменьшать нежелательные явления, поскольку основная масса их не одобряет свободную продажу земли; 2) то, что продажа земли идет главным образом за счет тех участков, которые не входят в фонд сельскохозяйственных угодий, обрабатываемых в производственных целях.

Оценивая в дальнейшем готовность сельского населения покупать землю, нужно с самого начала иметь в виду, что примерно в 30–40% случаев вокруг наших опрошенных просто нет свободной, необрабатываемой земли и ею в их местах не торгуют. Далее, 37% опрошенных вообще считают свое село в хозяйственном смысле бесперспективным, поэтому и привлекательность земли для них не так уж велика. И наконец, треть опрошенных — пенсионеры, они не станут искать себе лишних забот, а вместе с тем именно они — по особенностям воспитания, трудового и социального опыта — чаще других не одобряют куплю-продажу земли по идеологическим причинам, по прежним привычкам, из опасений утратить свое и без того не слишком завидное социальное положение. И так, с самого начала в интересующем нас плане до 40% опрошенных приходится считать бесперспективными. Они в любом случае, пусть молча, будут все-таки против торговли землей.

Но и в целом сегодняшний потенциал покупки земли на селе и расширения земельных владений нынешних собственников не так уж велик. К свободной купле-продаже земли вообще как к социальному явлению 29% опрошенных жителей села относятся положительно, вдвое больше — скорее отрицательно. Принципиально и твердо против *любой* торговли земельными угодьями 40% жителей села.

Среди возможных позитивных результатов свободного землеобмена на рыночных основаниях чаще всего называются следующие: землю получают те, кто хочет и умеет работать (16%), будут освоены заброшенные земли (15%), земля будет использоваться более разумно (15%), возникнет слой "крепких собственников", "настоящих хозяев" (12%). Как видим, положительные ответы объединяют довольно небольшие группы сельского населения, причем они практически не пересекаются. Можно сказать, каждый человек называет какой-то один положительный резон и не находит никаких других. В итоге получилось, что в среднем каждый из опрошенных дал на этот вопрос чуть больше, чем один (1,15), положительный ответ.

Напротив, страх отрицательных последствий торговли землей, ожидаемые от этого угрозы для всего сельского уклада жизни и для самих опрошенных жителей села достаточно велики: в среднем каждый опрошенный дал здесь примерно три разных отрицательных ответа. В этой перспективе 55-59% опрошенных предвидят спад сельскохозяйственного производства в стране и ухудшение материального положения крестьянства, 38% считают, что торговля землей ухудшит их личное положение (они расшифровывают это опасение вполне однозначно, говоря, что либо смогут получить у этих новых хозяев земли работу лишь заведомо хуже своей нынешней, либо даже не получат ее вовсе, — в сумме две эти подгруппы составляют 34% опрошенных, тогда как 23% респондентов надеются не снизить уровень своей нынешней работы или несколько повысить). Чаще всего респонденты опасаются, что земель начнут спекулировать (так считают 27%), что землю купят иностранцы (23%), "жители Кавказа" (20%), что купленную землю будут использовать не по назначению (например, горожане для постройки коттеджей — таково мнение 20%) и выведут ее из сельскохозяйственного оборота, в результате будут развалены нынешние колхозы и совхозы (19%).

Так что следует с самого начала подчеркнуть: ожидания большинства сельского населения, связанные с куплей-продажей сельскохозяйственных земель, имеют явно негативный характер, эти акции и перспективы воспринимаются как очередной маневр власти, не сулящий ничего хорошего тем, кто сегодня живет на земле. Цели земельной реформы не совсем понятны населению, а потому оно, естественно, как может, их "додумывает", вкладывая в предстоящие изменения весь опыт пассивного терпения и адаптации к жесткой политике советской власти по отношению к крестьянству. Есть несколько моментов, которые определяют структуры и характер подобных негативных ожиданий.

1. Крайне низкий уровень жизни сельского населения в целом и, соответственно, практически полное отсутствие каких-либо возможностей — капиталов, ресурсов, денежных средств — для приобретения земли, если реально встанет вопрос о появлении открытых возможностей ее покупки.

2. Представление о том, что "по справедливости" земля, сельскохозяйственные угодья принадлежат прежде всего всем местным жителям независимо от того, являлись они колхозниками (работниками совхоза), профессионально занимались другими вещами (были учителями, медицинскими работниками, почтовыми служащими и т.п.) либо

же как минимум работали на коллективных или государственных аграрных предприятиях, были связаны с ними. Если уж надо раздавать и разделять прежнюю государственную собственность на землю, то делать это следовало бы только через бесплатное распределение ее между всеми сельскими жителями. Однако "будут делать", и основная масса населения твердо убеждена в этом, "прямо наоборот": путем продажи земли всем желающим, и никаких возможностей у сельского населения сопротивляться или возражать против этого нет. Так думает основная масса сельчан. Поскольку денег у них самих нет (деньги, как полагает большинство опрошенных, есть главным образом у "чужих" людей, чужих по всем основным социальным, этническим и культурным характеристикам), поскольку "приезжие", "пришлые" наделяются самыми отрицательными чертами, по принципу "у чужих есть все, чего нет у нас" (а если мы "добрые люди", то "чужие" — обязательно мошенники, мафия, спекулянты и т.п., хотя никто не знает, кто, собственно, может быть покупателем земли, ведь никакого особенного, открытого спроса на землю нет — слишком скудны денежные ресурсы у населения, нет возможностей для льготного кредита). По существу, опрошенные готовы покупать только небольшие участки либо для расширения уже имеющегося подсобного хозяйства (13%), либо для развертывания товарного сельскохозяйственного производства (лишь 6%). Если бы имелись соответствующие условия для получения кредита, эта группа потенциальных покупателей выросла бы, но не очень значительно (до 30%). Причем соотношение мотивов покупки осталось бы тем же: для расширения ЛПХ (60% из всех возможных покупателей земли), для строительства дома (чуть больше четверти всех потенциальных покупателей — 27%) и примерно столько же для увеличения производства сельскохозяйственной продукции (26%). Так что, хотя основная масса сельского населения настроена против введения свободного рынка земли, аргументируя это главным образом грядущей спекуляцией землей, в действительности крупных покупателей земли сегодня в деревне практически нет.

3. Соединение бессилия и обреченности, раздражение и зависть против богатых рождает глухое и полное неприятие возможного закона о введении частной собственности на землю. Сторонникам и лоббистам этого комплекса социально-экономических и социально-политических реформ будет крайне трудно преодолеть подобные установки и настроения, поскольку никакие рациональные доводы это сознание не желает слушать.

4. Сохранение государственной или "колхозной" собственности на землю означает сохранение остатков прежней системы существования сельского населения, которая независимо от того, хороша она или плоха, имеет для наших опрошенных одно несомненное достоинство. К ней не просто адаптировались, она создала сложнейший симбиоз связей, при которых низкая оплата труда или пенсий компенсировалась всеобщей "колхозной кормушкой" (законным, полузаконным или незаконным доступом к получению льготных или бесплатных ресурсов — электроэнергии, горючего, семян, комбикормов, техники, транспорта). Эти отношения сохраняются, пусть не в прежнем объеме, и сегодня, причем не только у работников собственного аграрного сектора, но и у других сельских жителей. Упразднение или ограничение этих отношений с приходом новых хозяев таит угрозу сложившемуся порядку существования, от которого больше всего зависят самые бедные категории населения (бедные во всех смыслах, включая и социальные возможности, и доступ к ресурсам). Поэтому упорное сохранение системы характеризует поведение и мышление основной части жителей села,

Что из перечисленного Вы бы предпочли?
(в % от общего числа опрошенных в каждой социально-демографической группе, январь 2001 г., N=1600 человек)

- А — получать доход от собственного фермерского хозяйства;
Б — иметь высокий заработок в сезон без гарантий на все остальное время года;
В — иметь пусть небольшой, но гарантированный заработок круглый год;
Г — затруднились ответить

Социально-демографическая группа	А	Б	В	Г
В целом	14	10	66	10
<i>Пол:</i>				
мужской	18	13	62	7
женский	10	8	70	12
<i>Возраст:</i>				
18–24 года	18	17	59	6
25–39 лет	17	12	67	4
40–54 года	17	13	66	5
55 лет и старше	7	4	68	20
<i>Образование:</i>				
ниже среднего	10	9	67	14
среднее	16	12	66	6
высшее	20	9	65	7
<i>Наличие в семье детей до 16 лет</i>				
нет	11	8	68	13
один	16	12	66	5
два	20	14	60	5
трое и более	24	19	53	4
<i>Регионы</i>				
Север и Северо-Запад	7	8	81	4
Центр	10	5	80	5
Волго-Вятский	22	15	43	21
Центрально-Черноземный	20	1	51	29
Поволжье	24	12	57	8
Северный Кавказ	13	19	63	5
Урал	15	8	73	4
Западная Сибирь	10	7	73	10
Восточная Сибирь	8	15	56	21
Дальний Восток	6	7	85	1

независимо от того, насколько оно включено в собственно аграрное производство. Вопрос о частной собственности на землю не существует сам по себе, он должен обсуждаться в контексте всех других социальных проблем и отношений на селе.

Обобщая представления опрошенных о самих себе, о деревне и деревенском укладе жизни, важно обратить внимание на несколько фундаментальных обстоятельств. В основе приведенных и приводимых далее мнений у большинства опрошенных лежат достаточно давние, устойчивые представления о селе не только как о хозяйственной единице, но и как о социальном целом — о единстве образа жизни, связей, привычек, повседневногo распорядка дня, принятия важнейших решений, моральных санкций. Именно они составляют нормативный фон всех, казалось бы, чисто экономических или чисто технических (на взгляд стороннего человека из большого города) оценок купли-продажи земли сельчанами. Поэтому 71% опрошенных в принципе, пускай на словах, но все-таки одобрил бы покупку земли у них в округе их соседями, но уже 47% были бы против приобретения земли у них в округе выходцами из других регионов России и ровно столько же отнеслись бы к этому положительно — вот где мнения действительно "разделились". Преимущественно против покупки земли у них в округе жителями других республик бывшего СССР, "ближнего зарубежья" были бы уже 70% жителей села, и практически единодушно сельские жители (82% опрошенных) настроены против покупателей из "дальнего зарубежья".

Важно и другое. Примерно для 60% опрошенных подобное представление о селе, сельской общине и деревенском укладе связано с советским, колхозно-совхозным типом крупных хозяйств, владения земель, управления коллективной жизнью, коллективной ответственностью, даже коллективным заложничеством (в определенной степени за этим, особенно в зерновых и в животноводческих хозяйствах, есть и экономические резоны). Дело не только в том, что никакого иного опыта старшие, а во многом и средние поколения живущих на селе не знали, хотя эта безальтернативность, конечно же, крайне существенна. Советское село, колхоз как социальный организм — это не просто способ управления и хозяйствования, а целый образ жизни, который не поддается частичному трансформированию и улучшению. Попытки изменить его, с точки зрения самих вчерашних колхозников, могут привести к тому, что он просто рухнет у них на глазах.

Вместе с тем в практическом плане единство села как целого, насколько можно судить по полученным нами ответам, не так уж велико. Точнее можно сказать так: привязанность к нему, к его образу, в том числе по привычке, выражена вполне явно, а вот сознание реальной социальной силы деревни в единстве ее жителей — намного меньше. Село как целое, сейчас это целое по преимуществу пассивное, как во многом пассивна и сама привязанность к нему. В немалой степени это единство — в лишениях, бедности, брошенности и пр. (не столько активная солидарность, сколько пассивное заложничество). Характерно, что лишь 5–10% респондентов заявляют, что готовы участвовать в коллективных акциях протеста против бесконтрольной торговли землей на селе, тогда как свыше 40% опрошенных в любом случае примут это как данность или, в крайнем случае, ограничатся выражением недовольства в разговорах с близкими. Иными словами, в социальном плане село сегодня уже очень атомизировано, индивидуализировано, раздроблено ("каждый за себя"). На поддержку односельчан даже в важнейшем для них вопросе коллективной собственности, а значит, и коллективной идентификации (переживании общего "мы") жители села не очень рассчитывают.

Тех, кто хотел бы прикупить земли *конкретно* для себя и своей семьи, меньше, нежели тех, кто в *принципе* (нередко, видимо, лишь декларативно) относится к купле-продаже земли на селе без отрицательного предубеждения. Сегодня с определенностью утверждают, что хотели бы расширить свои земельные владения, лишь 10% опрошенных; вместе с теми, кто хотел бы это сделать "в принципе", интересующая нас доля потенциальных покупателей земли достигает 23%. Правда, в том случае, если на это можно было бы взять у государства льготный кредит, число таких людей увеличилась бы уже до 30%.

Доля тех, кто предпочел бы зарабатывать на жизнь, ведя собственное фермерское хозяйство, составляет среди

Характер отношения к частной собственности на землю у различных категорий сельского населения*
(в % от числа, давших соответствующий ответ)

Категория опрошенных	Положительно	В какой-то мере против	В принципе против	Затруднились ответить
<i>Род занятий</i>				
Занят в сельскохозяйственном производстве	11	17	13	11
Занят в других отраслях производства, на транспорте и т.п.	22	15	14	7
Занят в торговле, сфере услуг, здравоохранении, управлении и т.п.	22	16	15	11
Безработный	7	9	7	5
Учащийся	6	2	2	8
Пенсионер	19	30	42	47
Не работает и не ищет работу, занят на своем приусадебном участке	9	10	3	9
<i>Потребительский статус</i>				
Живут на грани нищеты	12	20	25	20
Бедные	38	47	47	54
Нуждающиеся	40	29	26	23
Благополучные	8	4	2	3
Полностью обеспеченные	2	1	0	0
Имеют автомобиль	39	29	26	24
<i>Состав семьи</i>				
Один-два человека	7	11	14	23
Пять человек и более	31	23	18	25

* Приведены не все категории опрошенных, поэтому сумма меньше 100%.

наших опрошенных лишь 14%. При этом само фермерство оптимальной и наиболее эффективной формой ведения хозяйства на селе считают 22% опрошенных. Работу на индивидуальных приусадебных участках (при всей ее огромной *реальной* эффективности для сельского и городского населения страны!) — и того меньше, 13%. Подавляющее большинство (58%), как уже говорилось, расценивает привычное для себя "крупное хозяйство на базе прежнего колхоза или совхоза" как самое производительное и предпочтительное во всех отношениях.

Поэтому в конечном счете доля тех, кто действительно готов сегодня при существующих порядках и своих возможностях расширять собственные земельные угодья и работать на них, не превосходит 10-15% сельского населения (скорее она даже ниже этой отметки). Но недостаточно просто констатировать это обстоятельство, важно оценить, кто составляет основу этой группы, на кого в этом смысле можно рассчитывать. Понятно, что подобное "ядро" активистов в количественном отношении не может быть велико, вряд ли оно сегодня выше 5-8% населения деревни. Но это именно наиболее активная часть жителей села, которая вместе с тем подходит к вопросу о земле, к оценке своих желаний, возможностей и сил более реалистично.

Во всех приведенных оценках самыми активными и наиболее свободными от старых, советских принудительно единых, уравнилельных норм, готовыми покупать землю, зарабатывать на жизнь фермерством и т.д. выступают молодые и в целом более образованные мужчины. В частности, среди них явно выделяется учащаяся молодежь. Однако надо отдавать себе отчет в том, что ее мнение в данном случае скорее выражает декларативную идеологическую позицию, нежели реальную готовность к соответствующей деятельности. Это выражение общей позитивной установки на рыночные свободы, экономическую самостоятельность и т.п., сформировавшейся за 1990-е годы в более активных, подготовленных и социально-мо-

бильных группах населения, — фактор, разумеется, важный, но его одного для социальных сдвигов необходимого масштаба, конечно, мало.

Перспективней и надежнее здесь представляется другая группа: особенно часто в пользу фермерства, свободной торговли землей и т.д. высказываются те опрошенные, у которых больше детей. Сравним: в семьях, где нет детей до 16 лет, в пользу фермерства как занятия высказываются 11%, в семьях с тремя и более детьми — 24% (табл. 15). В первом типе семей заявляют о своем желании приобрести еще участок земли 16%, во втором — 48%. В семьях с большим числом детей, естественно, складывается установка на приобретение большей земельной площади: так, если в среднем по выборке участок больше двух соток готовы приобрести 8% опрошенных, то в подгруппе опрошенных с тремя и более детьми их уже — 18%. Таких, условно говоря, многодетных семей в нашей выборке порядка 4%. В данном случае с землей, как можно предположить, связывается преемственность семьи, коллективная "личность" рода. Отсюда желание сохранить землю за "своими", но вместе с тем и страх, как бы дети ее не утеряли или не разбазарили, соблазнившись сегодняшними деньгами и пр. Характерно, что чем больше в семье детей, тем чаще респонденты склоняются к такой форме приобретения дополнительного земельного участка, как пожизненное владение с правом наследования, но *без права продажи*.

Кроме многодетных семей, более активны в желании приобрести землю и хозяйствовать на ней именно те, кто уже и сейчас занимается этим делом — по формулировке анкеты, те, кто "не работает и не ищет работу, а ведет хозяйство на своем приусадебном участке" (подобные люди составляют 7% опрошенных). Сравним: 39% из них одобряют отношение к торговле землей (в среднем по выборке 29%), 28% предпочли бы зарабатывать на жизнь, ведя собственное фермерское хозяйство (в среднем по выборке 14%), 36% хотели бы приобрести еще земли для себя

и семьи, прежде всего имея в виду расширение подсобного хозяйства (в среднем по выборке 23%), и т.п. Они вдвое чаще среднего готовы приобретать участки более крупные по площади — больше стандартных двух соток.

Вместе с тем повышенное желание приобрести землю на селе высказывают жители районных центров, живущие недалеко от города. И наконец, заметны в этом плане и региональные различия. Наиболее выражены планы покупки земли, положительное отношение к фермерству у жителей Сибири, особенно Восточной, и Дальнего Востока, Урала и Поволжья.

Величина участка, который готовы сегодня приобрести жители села, напрямую связана с его предполагаемой функцией. Небольшие участки (стандартные две сотки) чаще думают приобрести для постройки дома, для родственников из города или "так", "про запас". Напротив, более крупные участки, по расчетам жителей села, предназначены преимущественно для разворачивания или расширения собственного сельского хозяйства.

Соответственно, перечисленные показатели, позитивно влияющие на готовность покупать землю (число детей, работа в собственном приусадебном хозяйстве, желание приобрести больше земельных площадей), при прочих равных условиях положительно связаны между собой. Чем больше в семье детей, тем сильнее установка на обустройство собственным сельскохозяйственным производством и на расширение его, а значит, тем больше площадь земли, которая семье нужна и которую она готова приобрести, и т.д. Можно предположить, что в данном случае речь идет как раз о той группе населения, которая при благоприятных прочих экономических, социальных, политических условиях в принципе могла бы в перспективе сложиться в слой "крепких собственников".

Каким образом разные (крайние) социальные, профессиональные, доходные группы относятся к свободной купле-продаже земель сельскохозяйственного назначения?

Чем беднее считают себя люди, тем сильнее они держатся за такую форму социальной жизни, как колхоз (табл. 17).

Среди тех, кто настроен категорически против свободного рынка земли, преобладают пожилые, низкообразованные слои и группы (бедные, одиноко живущие старики, чаще женщины). Они с трудом разбираются в круге затрагиваемых вопросов, в их социальном и политическом контексте, а потому чаще затрудняются в ответах на эти вопросы или не дают на них какого-то определенного ответа.

Ядро людей, настроенных против рынка земли, образуют именно люди старшего возраста. Они проработали в колхозах всю жизнь, от любых изменений этой сложившейся и привычной для них системы они лично для себя ждут только плохого. В целом доля опрошенных-противников торговли землей составляет среди опрошенных 38%, однако людей старше 40 лет среди них — две трети, с начальным или неполным средним образованием — половина. Даже если эти люди не на пенсии, то в любом случае они не имеют специальности, обладают очень ограниченными социальными возможностями, ресурсами активности, потенциалом конкуренции в сравнении с теми, кто, по их мнению, может прийти хозяйствовать на селе.

На вопрос: "Если частная собственность на земли сельскохозяйственного назначения все же будет введена, то, как Вы думаете, следует поступить с этой землей?", 75% опрошенных заявили "бесплатно передать в собственность людей, которые живут в этой местности" и лишь 13% — "продавать участки всем желающим", прочие затруднились с ответом. Но на следующий вопрос: "А как, по Вашему мнению, власти собираются решать этот вопрос?", ответ подавляющего большинства (53%) — "продавать всем желающим" и лишь 15% — "бесплатно передавать жителям этой местности", 32% затруднились ответить. Так отвечали и те, кто выступает за свободную продажу, и те, кто настроен против нее в принципе или хотел бы оговорить ее существенными ограничениями или условиями.

И все же резкое неприятие частной собственности на землю быстро ослабевало, если люди могли надеяться на то, что какая-то часть доходов от продажи земли пошла бы на улучшение социальной инфраструктуры села, на социальное обеспечение стариков, больных или незащищенных в

Таблица 17

Какой вид сельских хозяйств является, на Ваш взгляд, наиболее производительным в России в наши дни?
(в % по строке, август 2002 г.; N=1600 человек, без затруднившихся с ответом)

Группа	Крупные хозяйства на базе колхозов, совхозов	Фермерские хозяйства	Индивидуальные хозяйства
Бедные	69	15	7
Нуждающиеся	61	19	13
Со средним достатком	50	28	15
Обеспеченные	30	45	22
Благополучные	34	54	11
Работник на сельскохозяйственном производстве	71	16	7
Работает в других отраслях производства, на транспорте и т.п.	52	28	16
Торговля, здравоохранение, медицина, управление и т.п.	49	29	17
Пенсионер	68	13	11
Безработный	42	35	11
Не работает и не ищет работу, занят на собственном участке	47	30	16
<i>Возраст:</i>			
18–24 года	41	33	15
55 лет и старше	70	12	11
Не хотели бы приобретать участки земли	63	18	11
Хотели приобрести участок земли сверх того, что уже имеется в семье	40	38	18
Хотели приобрести землю для расширения собственного сельскохозяйственного производства	35	42	14

Какой из подходов к решению вопроса о земле Вам ближе?
(в % от общего числа ответивших в соответствующей группе, январь 2001 г.)

Вариант ответа	Совершенно неперспективные села	Села с хорошими перспективами	Средняя оценка перспективности села
Земля должна приносить доход стране независимо от того, кто и как ее использует	40	21	2,6
Земля должна эффективно использоваться независимо от того, в чьих руках она находится	38	27	2,8
Земля должна оставаться в руках государства, чтобы частники ее не растащили, независимо от того, используется она или нет	37	26	2,8
Земля должна оставаться в собственности государства, чтобы она не досталась иностранцам, независимо от того, используется она или нет	34	33	2,9

социальном плане категорий населения. При таком допущении гипотетическое "сопротивление" введению частной собственности падало вдвое: до 25-29%.

Там, где коллективные формы ведения хозяйств воспринимаются населением как бесперспективные, а жизнь в будущем кажется совершенно безотрадной, разброс мнений растет, начинают осознаваться другие социальные возможности, свободная продажа земли не кажется чем-то абсолютно недопустимым. И наоборот, чем лучше кажется жизнь в коллективных хозяйствах, чем лучше перспективы села, тем более консолидированным выступает общественное мнение деревни в его противостоянии экономическим и социальным переменам (своего рода феномен относительной депривации — против перемен те, кому несколько лучше, чем бедным). Чем более перспективным представляется будущее конкретного села, тем в среднем выше в нем сопротивление идеям свободной торговли землей (табл. 18).

Потенциал сопротивления рыночной экономике на селе и, в частности, товарным земельным отношениям, в силу уже сказанного, по своей интенсивности невелик. Но именно потому, что он не концентрирован, а напротив, размыт, он практически не доступен рационализации. Простейшими аргументами, прямыми призывами, апеллирующей к авторитетам здесь мало что можно сдвинуть — эффект будет нулевым или даже отрицательным.

Подытоживая все сказанное выше о настроениях, установках и ожиданиях сельского населения, можно сделать следующий вывод. Речь идет не о слепом неприятии перемен, фобии нового или привычном традиционализме жителей села, а о вполне рациональном их поведении, хотя эта рациональность задана не интересами улучшения жизни, а стремлением сохранить то, что люди уже имеют, даже ценой снижения уровня запросов. Эта рациональность определяется необходимостью адаптироваться к порядку вещей, навязываемому извне, принуждением, силой, против которой у селян нет возможности бороться. И этот тип "консерватизма" будет только усиливаться по мере того, как село будет терять молодежь и, соответственно, мотивы улучшения устройства жизни на селе, надежды на будущее. Сама схема рациональности (рационализации усилий, средств, времени) здесь иная и будет продолжать меняться — от улучшения жизни в перспективе к выживанию именно данного поколения.

Это, безусловно, понижающая адаптация. Однако при данном раскладе возможностей и соотношении сил у людей в деревне нет шансов отстоять свои интересы, кроме глухого сопротивления и недоверия любым акциям властей. Возможность относительно благополучного существования задана для них доступом к ресурсам, которые связаны не с личной работой, ее интенсивностью или достижениями, а с шансами использования бывшего колхоза (его техники, комбикормов, энергии или "помощи"

начальства). Но ровно так же и перспективы существования прежнего колхоза связываются его нынешним начальством, примыкающими к нему и зависящими от него группами в первую очередь с давлением на вышестоящие власти для того, чтобы получить какие-то льготы или помощь от "государства". Так что характерное для периферии недоверие "дальним властям", отчуждение от государства сочетаются на селе с государственно-патерналистскими установками, поскольку иных источников помощи или средств здесь нет. Другими словами, лучше, как говорили герои Шварца, "свой дракон", к которому притерпелись, с которым обжились, чем высокие риски активности и предпринимательства, на которые в селе не осталось ни желания, ни сил.

Марк ТОЛЬЦ

Эмиграция в Израиль как отражение динамики и дифференциации ситуации в России*

Изучение факторов, определяющих процесс эмиграции, должно опираться на анализ данных о реальных миграционных потоках. В настоящем исследовании рассматривается эмиграция из России в Израиль. Круг лиц, имеющих право на иммиграцию в Израиль (алия) в соответствии с израильским законом о возвращении, весьма широк. Право на репатриацию по этому закону имеют евреи, их дети и внуки — все со своими законными супругами. Они не только обладают реальной возможностью эмигрировать в Израиль, что зависит лишь от их желания, но и освобождены от всех расходов, связанных с переездом в эту страну, которые берет на себя Еврейское Агентство (Сохнут). Таким образом, перед нами тот редкий случай, когда мы можем изучать интенсивность эмиграции, не ограниченной какими-либо официальными препонами на въезд в другую страну. Это создает особые возможности для анализа миграционного потока в зависимости от территориальных различий и изменений в социально-экономической и политической ситуации страны происхождения.

Российская демографическая статистика содержит обширные сведения о структуре еврейского населения и его динамике. Опираясь на них и на израильскую иммиграционную статистику, мы можем подробно рассмотреть эмиграцию из России в Израиль. Для этого следует проанализировать региональные составляющие данного миграционного потока

* Статья основана на переработанных и дополненных материалах публикации автора, которая вскоре выйдет в: Jews in Eastern Europe. Jerusalem: The Hebrew University, 2002. Issue 47.